

БЕЗ РЕВОЛЮЦИЙ? ПОЛЯ И ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ «СОЦИАЛЬНОЙ ИНВОЛЮЦИИ»

Столетие социального потрясения всемирного масштаба, и по сей день остающегося предметом острейших общественных и научных дискуссий в России и неослабевающего исследовательского интереса за рубежом (к концу юбилейного года поисковик базы Google Scholar на словосочетание «October Revolution» дает более 20 тыс. результатов), безусловно, останется главным событием 2017-го, в том числе и в «поле науки» (П. Бурдьё) – и главным поводом для переосмысления социально-гуманитарной «системы координат». Сказанное справедливо и для нового выпуска журнала «Пространство и Время», открывающегося попыткой именно такого концептуального переосмысления (*интервью с президентом Института Ближнего Востока, кандидатом экономических наук Е.Я. Сатановским «Неизбежность революций, величие империй, ничтожность элит...»*; «Пространственно-временные рамки революции» доктора философских наук О.А. Мирошниченко; «Восточное христианство и социальные преобразования 1917 г. в России: специфика взаимосвязи» доктора политических наук Н.А. Комлевой). Не претендуя

на столь же концептуальный анализ в своем введении и тем более не пересказывая содержание названных публикаций, особо отмечу лишь затронутый в них собственно «пространственный» аспект, топологию социальных трансформаций: бунт рождается на периферии, географической и социальной, – перевороты и революции начинаются в географических и социальных центрах: для успешности революций (не говоря уже о переворотах) необходимо, чтобы их «делатели» (даже и не из числа собственно контрэлиты) не просто оказывались в крупных городах, а впоследствии и контролировали таковые, но и находились в такой организационной (институциональной) близости к правящей элите (к главному центру «поля политики», в терминологии Бурдьё), которая допускала бы возможность максимально быстро и эффективно «перехватить» власть. Таковыми при ближайшем рассмотрении оказывались практически все революции, будь то Нидерландская и Английская буржуазные, Великие французская и Октябрьская¹, Славная (в Англии), «бархатная» и «цветные» в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве и даже кубинская революция 1953–1956 гг.² Представления о топологии социально-политических трансформаций, их спатиогенезе, позволяют обнаружить и нечто общее у руководства упомянутых успешных революций: все они, помимо непреходящей харизмы лидера, обладали – кто в силу происхождения, кто в силу карьеры или образования – не только даром, но и как минимум базовыми навыками формирования эффективных взаимно- или хотя бы нейтрально-содействующих социальных взаимодействий со сторонниками, в том числе потенциальными, и перевеса во взаимно-агрессивных взаимодействиях с противниками³. Все они с самого начала своей революционной деятельности входили в уже хотя бы относительно сложившееся пространство социальных действий, взаимодействий и отношений и, будучи кто представителями первоначально родовой аристократии (Вильгельм I, Мориц и Вильгельм III Оранские, П. Баррас), а затем партийной элиты, кто талантливыми военачальниками – как из числа знати (принцы Оранские) или обедневшего дворянства (Наполеон), так и из слоев буржуазии разной степени обеспеченности (Кромвель, Ф. Кастро, Мустафа Кемаль Ататюрк), – кто лицами с юридическим образованием⁴ (Дантон, Робеспьер, Ленин, Кастро, аятолла Хомейни), оказывались способными трансформировать поля власти/политики, повышая уровень их организации и становясь в этих полях самостоятельными «аттракторами». Все они, замечу, были фанатично преданы идее (даже если таковой оказывалась идея рынка и личного обогащения, как в случае руководителей «цветных» революций – контрреволюций конца XX в.).

Однако с вытеснением из поля власти/политики (а также из поля экономики) пассионариев субпассионариями (в терминологии Л.Н. Гумилева) происходит как девальвация идеологии, так и регресс взаимодействий и отношений не только с «широкими массами» рядовых сторонников, но и внутри самой элиты (частичная деструкция взаимно-содействующих отношений с превращением их во взаимно-нейтральные, а то и во взаимно-агрессивные). Консолидация общества при этом деградирует до состояния ложного консенсуса⁵, ценности – до их имеющих рыночную цену симулякров, а идеология – до набора «социальных мифов», призванных обеспечивать легитимность контролирующей поле власти/политики/экономики части правящей элиты и харизму отдельных ее представителей. Для такого состояния социального пространства и направления его развития я буду далее использовать термин «социальная инволюция»⁶, применяющийся сегодня не только к странам с неразвитой или стагнирующей

¹ Имеется в виду август 1917 г, когда во время корниловского мятежа Временное правительство привлекло к своей защите большевиков. В результате последние получили контроль над Советами рабочих и солдатских депутатов, возможность легально вооружаться и фактический доступ непосредственно в действующую структуру власти.

² В 1950 г. лидер кубинской революции Ф. Кастро Рус вступил в Партию кубинского народа («Ортодоксов») и едва не оказался выдвинутым от нее в парламент; после распада партии в 1952 именно ее бывшие члены составили созданную Кастро группу, начавшую подготовку к борьбе за свержение диктатуры Батисты.

³ О содействующих, нейтральных и агрессивных социальных действиях, взаимодействиях и отношениях см. подробнее: Докторович А.Б. Поля социального пространства: социальные взаимодействия и отношения // Труд и социальные отношения. 2010. № 7. С. 26–38; Он же. Формализованное описание и классификация социальных действий, взаимодействий и отношений // Пространство и Время. 2011. № 2(4). С. 48–57.

⁴ Что в исламском мире означает 1) наличие также богословского образования и 2) по сей день значительное реальное влияние, в том числе и политическое, в обществе.

⁵ См., напр.: Krueger J. "On the Perception of Social Consensus." *Advances in Experimental Social Psychology* 30 (1998): 163–240; Dahlberg L. "The Habermasian Public Sphere: Taking Difference Seriously?." *Theory and Society* 34.2 (2005): 111–136.

⁶ Заимствованные из естественных и точных наук термины давно и довольно успешно используются социальными и гуманитар-

экономикой, сверхзакрытой элитой и высоким уровнем коррупции от беднейших африканских государств до России конца 1990-х гг.¹, но и ко всякому социуму с деградирующим уровнем организации соответствующих полей – взаимно-содействующих отношений при их девальвации вследствие девальвации лежащих в их основании ценностей². (Замечу здесь в скобках, что затяжные экономические кризисы и общая деградация поля экономики являются признаками, но не причиной социальной инволюции – таковую причину следует искать именно и прежде всего в слабости административно-управленческой сферы и накапливающихся в ней ошибок принятия решения).

Безусловно, крайняя степень социальной инволюции – полная деградация полей власти/политики и экономики, – равно как и сильные взаимно- и даже нейтрально-агрессивные действия и взаимодействия в поле политики (военная агрессия, революции, религиозные и политические репрессии), делают проблематичным само существование полей науки, культуры и образования, поскольку ставят под угрозу жизни их акторов (агентов, в терминологии П. Бурдьё). Однако при всей взаимосвязи процессов в полях власти/политики и экономики, с одной стороны, и культуры, науки и образования, с другой, процессы в этих полях имеют собственную динамику – и собственную коннотацию слов «революция» и «переворот» (достаточно сравнить, например, лексемы «военный переворот» и «коперниканский переворот в науке»). Вопрос о взаимосвязи социокультурной динамики и космической погоды (и обусловленности первой факторами второй)³ – вопрос закономерный в данном контексте и сам по себе остающийся революционным, несмотря на без малого сто лет со времени его постановки – поднимается и в нынешнем выпуске журнала «Пространство и Время» («Физические факторы исторического процесса» А.Л. Чижевского – миф или реальность? К 120-летию со дня рождения учёного» доктора физико-математических наук Б.М. Владимирского; «Синхронизация, десинхронизация, ресинхронизация и транссинхронизация процессов в природе и обществе» доктора медицинских наук, академика РАН В.А. Черешнева, доктора медицинских наук С.И. Степановой, доктора физико-математических наук А.Г. Гамбурицева и кандидата физико-математических наук Н.Г. Гамбурицевой). Возникают, однако, и иные закономерные вопросы: насколько глубокими должны быть экономические и социально-политические кризисы, а также и инволюция полей власти/политики и экономики, чтобы инволюционные процессы начались и в полях науки, культуры и образования; какова динамика влияния когнитивных модусов реализации власти – *отношений знания – незнания (неопределённости) – нежелания знать*⁴ на возможные процессы – как конструктивные (научные революции), так и деструктивные (стагнация и инволюция полей науки и образования) – в этих полях? В поисках возможных ответов на эти вопросы обращаюсь к содержанию данного номера.

Премодерн. Конец XI – начало XII вв. Близится к упадку Сельджукская империя, социально-экономическая и политическая инволюция здесь ведет к стремительному сокращению земельного фонда⁵ и выделению фактически самостоятельных султанатов (Керманского в 1041 г., Сирийского в 1074, Конийского, или Румского, в 1077). Но на тот же период приходится не только пик творчества аль-Газали («Жизнь и творчество Аль-Газали: опыт философского осмысления. Часть 1. Аль-Газали в оценках современников и “газалиана” XIX–XX вв.» доктора философских наук М.М. Аль-Джанани), но формирование основных положений классического суфизма, собственно суфийской традиции и начало превращения ее в значимый элемент религиозной и культурной жизни мусульманского общества.

ными науками для качественного описания процессов и феноменов в социальной сфере. Применительно к социальному пространству термин «инволюция» (от лат. involutio – свертывание) в значении, заимствованном из биологических наук, активно применяется как в отечественных, так и в англоязычных социально-гуманитарных дисциплинах после того, как был введен в научный оборот в 1978 г. (см.: Makhulu A.-M., Buggenhagen B.A., Jackson S., eds. *Hard Work, Hard Times: Global Volatility and African Subjectivities*. Berkeley: University of California Press, 2010). Наряду с этим в научной литературе используется термин «деэволюция», восходящий к идеям о телеономичности и даже телеологичности эволюции (наличия у нее целей) и о развитии живых организмов от худших форм к лучшим (см., напр.: Carter S.L. "From Sick Chicken to Synar: The Evolution and Subsequent De-Evolution of the Separation of Powers." *Brigham Young University Law Review* (1987): 719–813; Sprague R. "Orwell Was an Optimist: The Evolution of Privacy in the United States and Its De-evolution for American Employees." *The John Marshall Law Review* 42.1 (2008): 83–134; Пахарь Л.И. Деэволюция социального // Булгаковские чтения. 2013. Т. 7. № 7. С. 221–230; Цибульский В.Р., Соловьев И.Г., Быков Д.Н. Модель организации и самоорганизации древних поселений // Вестник кибернетики. 2013. № 12. С. 163–168). Соответственно, термин «деэволюция» используется названными авторами в смысле «развитие в направлении от “лучших” социальных форм к “худшим”», но не для описания процесса деградации/редукции самих форм и полей социального пространства.

¹ Wang S. *From Revolution to Involution: State Capacity, Local Power, and (Un)governability in China*. New Haven: Yale University Press, 1991. PDF-file. <http://www.cuhk.edu.hk/gpa/wang_files/Involution.pdf>; De Waal A. "HIV/AIDS and the Threat of Social Involution in Africa." *Towards a New Map of Africa*. Eds. B. Wisner, C. Toulmin and R. Chitiga. London: Earthscan, 2005. 113–122; Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. "Involution and Destitution in Capitalist Russia." *Ethnography* 1.1 (2000): 43–65.

² Wang S. *Op. cit.*; Macpherson R. *Rome in Involution: Cassiodorus' Variae in Their Literary and Historical Setting*. Poznan, Poland: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1989; Guerra L. "From Revolution to Involution in the Early Cuban Republic: Conflicts over Race, Class, and Nation, 1902–1906." *Race and Nation in Modern Latin America* (2002): 132–62; Ghosh J. "Societal Involution." *Frontline* 27 May 2016. Web. <http://www.frontline.in/columns/Jayati_Ghosh/societal-involution/article8580502.ece>.

³ Подробнее об этом см., напр.: Владимирский Б.М. Космическая погода и социокультурная динамика [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2012. Т. 1. Вып. 2. Режим доступа: <http://ealmanac.space-time.ru/assets/files/Tom1Vip2/rubr8-chelovek-i-sreda-obitaniya-st2-vladimirskij-2012.pdf>.

⁴ О характерных для динамики «премодерн – модерн – постмодерн» эволюции (взаимо)обусловленных знанием (когнитивных) модусов функционирования политических элит «знаю и действую» / «знаю и не действую» (премодерн), «не знаю и действую» / «не знаю и не действую» (модерн) и «не желаю знать и действую» / «не желаю знать и не действую» (постмодерн) и соответствующих им (алегических) модусов управленческого решения – необходимого (премодерн), возможного (модерн) и случайного (постмодерн) подробнее см.: Тьяньнова О.Н. Власть и знание: к топологии «других пространств» // Пространство и Время. 2014. № 4(18). С. 10–13. Временные рамки модерна приняты по С. Тулмину и П. Осборну: середина XV в. – 1789 – ранний модерн, 1789–1900 – классический модерн, 1900–1989 – поздний модерн (Toulmin S. *Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 3–5; Osborne P. "Modernity Is a Qualitative, Not a Chronological, Category." *New Left Review* 192.1 (1992): 65–84).

⁵ Подробнее здесь и далее см.: История Востока. Т. 2. Восток в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Восточная литература, 2002.

Рубеж XIII–XIV вв. Несмотря на все свое могущество, утвердившийся на севере Индии Делийский султанат сильным централизованным государством так и не стал. Социально-экономическая инволюция, как и ранее в империи сельджукидов, сопровождается сокращением земельного фонда (хотя последний постоянно пополняют владения покоренных индийских феодальных родов, отброшенных на географическую и социальную периферию султаната) и непрекращающейся вооруженной борьбы как между отдельными феодалами, с одной стороны, и султанами, с другой, так и между самими феодальными группировками. Однако ни в культурной сфере (литература, архитектура и градостроительство – в XIV в. в Индии начнется новая волна урбанизации), ни в сфере духовной инволюции не наблюдается – ни в мусульманских философии и теологии (прежде всего, суфизме), ни в философии ведантской («*Адхикарана-саравали*» как компендиум «*Брахма-сутр*» в системе *вишишта-адвайта-веданты*» магистра философии Н.А. Сафиной).

В целом, *modus operandi* политических элит преמודерна («знаю и действую / знаю и не действую») обеспечивал существенную автономию полей культуры и образования от поля власти (за исключением, разумеется, власти религиозных институтов) и закладывал условия для формирования поля науки – не случайно самые первые университеты как Запада, так и Востока¹ появляются именно в этот период.

Ранний модерн, особенно на Востоке, еще сохраняет относительную автономию полей культуры и особенно науки от поля власти/политики и возможных инволюционных процессов в нем. Так, происходившее в поле культуры Русского государства на протяжении практически всего XVI в. столкновение двух религиозных замыслов, двух религиозных идеалов (Г. Флоровский) – иосифлянства и нестяжательства – можно рассматривать как событие, скорее, в большей степени повлиявшее на процессы в поле власти/политики (и даже в поле экономики), нежели испытывшее на себе влияние такового. Эта специфика, правда, уже с гораздо меньшим успехом, проявится и в период социального кризиса эпохи раскола («*Исихазм в истории христианства на Руси. Часть II*» доктора философских наук С.А. Нижникова) – подчеркну здесь, что только Смутное время стало периодом инволюции полей власти/политики и экономики России, состояние же их даже в конце XVI в. (перед Смутой)² и в годы раскола XVII в. (равно как и в начале петровской эпохи) можно характеризовать термином «кризис», но не «инволюция».

1660–1670-е гг. Период экономического подъема в независимых послереволюционных Нидерландах сменяется длительным спадом, клонится к закату и «золотой век» голландской живописи (что, с учетом характерной для Нидерландов господствующей роли живописи по сравнению со всеми прочими видами искусства, вполне можно рассматривать как инволюцию культурную). Но в поле науки на эти же годы приходится начало наблюдений А. ван Левенгука, исследования Х. Гюйгенса и И. Худде; в эти годы Г.Э. Румф собирает свои коллекции растений и минералов, а Г. Леруа преподает философию и физиологию в Лейденском университете; еще живы картограф, инженер, астроном и математик А. Целлариус, востоковед, математик, астроном и путешественник, ректор Лейденского университета Я. Голиус и философ А. Гейлинкс. На это же десятилетие приходится и пик напряженных интеллектуально-теологических поисков Б. Спинозы («*Математическая*» теология Спинозы: о бытии Бога во всякой вещи, в любом месте, в любое время, а также о Боге как имманентной причине всего (Пространство и время как атрибуты вездесущего Бога: двузначная алгебра метафизики как дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта трансцендентной и имманентной причинности)» доктора философских наук В.О. Лобовикова).

Нарастающие в социальном пространстве России на протяжении послепетровского XVIII в. и, особенно, периода классического модерна инволюционные процессы затронули даже любимое детище Петра I – флот («*К вопросу о месте флота в русском обществе в XVIII – 1-й половине XIX вв.*» кандидата исторических наук А.А. Лебедева), хотя вплоть до 1917 г. и щадили лейб-гвардию («*Индивидуальные черты частей русской гвардейской пехоты в начале XX в.*» кандидата исторических наук А.А. Смирнова). Однако рост культурного потенциала страны на рубеже раннего и классического модерна происходит за счет и взлета дворянской культуры, и сохранения старой исихастской духовности (упомянутая статья С.А. Нижникова), и приращения знаний о культуре населения новооткрытых земель («*Очерк истории изучения памятников народного зодчества, древностей и развалин*» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.). Часть 1. От ранних сведений о памятниках кочевых Арало-Каспия до экспедиции Я.П. Гавердовского 1803–1804 гг.» доктора исторических наук С.Е. Ажигали).

Поздний модерн. Полоса тяжелейших экономических кризисов поздневикторианской Англии – двадцатилетнего аграрного (1875–1895) и череда промышленных, частично совпавших с кризисами мировыми (1878–1879, 1882–1883, 1890-х, последовавший за мировым финансовым кризисом 1890-го и перешедший в депрессию в 1894-м) – и инволюция социального пространства³ в целом, а затем и собственно поля власти/политики (т.н. «эдвардианский кризис»⁴) никоим образом не повлияли на поля культуры (достаточно назвать такие имена грандов английской литературы, как Т. Харди, Р.Л. Стивенсон, Дж.Б. Шоу, О. Уайльд, Г. Уэллс) и науки («*Первый из последователей Максвелла*»: к прочтению статьи Оливера Хевисайда «Гравитационная и электромагнитная аналогия» (1893)» кандидата физико-математических наук С.Г. Геворкяна; «Гравитационная и электромагнитная аналогия» О. Хевисайда = *Heaviside O. A Gravitational and Electromagnetic Analogy, параллельный текст на русском и английском языках*).

Аналогичным образом ни нарастающая деградация социального пространства и поля власти/политики в предреволюционной Российской империи, ни даже революционные и послереволюционные потрясения первой половины XX в. не привели к инволюции полей культуры, науки и образования («*Даниил Кириллович Заболот-*

¹ Университеты аз-Зайтуна (Тунис, 732 г.), Константинопольский (855 г.), Аль-Караун (Марокко, 859 г.), аль-Азхар (Египет, 970 г.).

² Инволюционному тренду даже в «смутные» годы препятствовал институт земских соборов, а сам тренд был преодолен уже в конце Смуты – с созданием первого народного (земского) ополчения в 1611 г.

³ Boot C. *Life and Labour in London*. London: Macmillan and Co., 1886–1903, volumes 1–17; Rowntree B.S. *Poverty: A Study of Town Life*. London: Macmillan and Co., 1901.

⁴ Powell D. *The Edwardian Crisis: Britain, 1901–14*. New York: St. Martin's Press, 1996.

ный: *вчера и сегодня. Часть 1*) доктора биологических наук Ю.А. Мазинга; упомянутая статья Б.М. Владимирского) – более того, в культурное пространство России впоследствии вернулась и та его часть, которая была сохранена в эмиграции («*Умудренное неведение Непостижимого*”: *категориальные структуры философии Семена Франка*) доктора философских наук С.В. Корнилова и «*Дом русской славы в Париже*» доктора исторических наук А.И. Агафонова).

Таким образом, сколько бы агенты полей власти/политики или экономики – субъекты формирующих их действий, взаимодействий и отношений эпохи модерна – ни стремились установить соответствующий (политический или экономический) максимально полный контроль над полями науки и образования, ни вызвать их инволюцию, ни уничтожить условия для будущих научных революций они не могут, да и не заинтересованы в этом: в крупных научных достижениях равно нуждаются и экономика, и политика модерна. В силу этого полям науки и образования и научным революциям не угрожает даже сращивание власти и капитала эпохи позднего модерна – такой угрозой, как и в эпоху премодерна, остаются гибель или насильственное выведение из полей науки и образования субъектов/агентов и/или объектов (концептов) этих полей в результате либо упомянутых выше взаимно-агрессивных или нейтрально-агрессивных действий и взаимодействий в поле политики (военной агрессии, революций, религиозных и политических преследований), либо в результате возникшей в том числе вследствие таковых действий (или вследствие глубокого кризиса и деградации полей власти/политики и экономики – «смуты») деструкции полей науки и образования. Однако даже в последнем случае мы имеем дело лишь с локальным (хотя часто и весьма болезненным) разрушением научной и/или образовательной среды. (Под таковыми средами я буду понимать часть соответствующих пространств, образованную взаимодействиями и отношениями в связи и по поводу различных аспектов, непосредственно или опосредованно связанных с наукой и образованием, между более чем двумя субъектами/агентами этих полей, между ними и субъектами/агентами других полей, а также взаимодействиями и отношениями *субъекта/агента полей науки и образования с объектом*¹). Соответственно, несмотря на понесенные потери, по прошествии большего или меньшего времени даже существенная деструкция полей науки и образования могла быть компенсирована: у погибших или подвергшихся репрессиям – исключению из соответствующих полей их агентам и разработанными ими концептов могли появиться приверженцы и последователи, а отношения, в том числе и в поле власти/политики, к и по поводу ранее отторгавшихся идей со временем могли кардинально измениться.

Принципиально иная ситуация складывается в эпоху постмодерна. *Modus operandi* «не желаю знать и действую / не желаю знать и не действую» субъектов/агентов поля власти/политики и экономики предполагает пространство *как на субъектов/агентов полей науки и образования, так и на соответствующие среды* уже не просто контроля, а собственно действий, взаимодействий и отношений *нежелания знать*. Наиболее эффективным инструментом здесь является концептуальная смена приоритетов (целевых установок – ценностей-целей) в самой структуре полей науки и образования. Так, в эпохи премодерна и модерна целями образующих соответствующие поля действий, взаимодействий и отношений были собственно приобретение нового знания (чему соответствовало представление о легитимности власти и, в зависимости от духовных или светских целей, об одном из возможных путей спасения или о механизме социального лифта – в эпоху премодерна) и их полезность (чему соответствовали деньги как эквивалент труда – в эпоху модерна). Однако уже в эпоху позднего модерна сначала деньги, а затем и полезность знаний (как ранее – знание как форма легитимизации власти) начинают превращаться в знак, все более утрачивающий свой денотат – обозначаемый в реальности предмет, объект действительности, – то есть в симулякр. Именно воспроизводство симулякров, поскольку оно не просто не предполагает никаких знаний, но есть процедура, противоположная их производству и воспроизводству, становится главной целью действий, взаимодействий и отношений эпохи постмодерна – и превращение такой процедуры (производство не знания, а его «превращенных форм» – иерархии формальных наукометрических и образовательных показателей) в главную цель субъектов/агентов полей, сред и пространств образования и науки (и соответствующих действий, взаимодействий и отношений) и есть инволюция последних². Соответственно, масштаб и глубина такого воспроизводства «превращенных форм» научного знания зависит от масштаба и глубины сращивания бюрократического аппарата и науки. В свою очередь, процедура, запускающая производство каждой следующей «превращенной формы» знания (новых формальных наукометрических и образовательных показателей) и определения их места в иерархии существующих осуществляется, как правило, квазиконвенционально (манипулятивно) и эксплуатирует эффект ложного консенсуса. Промежуточные результаты подобного рода «процедур» не замедлили сказаться: целью исследований и публикаций стало исключительно получение дополнительных «баллов» (которые приобретают затем и стоимостное выражение в зависимости от действующих «тарифных сеток», но не от уровня и смысла и даже оригинальности таких «исследований», говорить о каковых уровне и смысле большей частью уже не приходится³).

¹ В отличие от *сред* науки и образования, под *научным и образовательным пространствами* я понимаю ту совокупность действий, взаимодействий и отношений (в связи и по поводу различных аспектов, непосредственно или опосредованно связанных с наукой и образованием), которые помимо перечисленных включают таковые действия, взаимодействия и отношения еще и между субъектами/агентами всех прочих полей социального пространства. В этом смысле термин «среда» близок, хотя и не тождествен термину «поле» (поскольку, в отличие от последнего, включает взаимодействия агентов поля за пределами такового).

² «Инволюция (от лат. involutio – свертывание) – преобразование, которое является обратным самому себе» (Инволюция (математика) [Электронный ресурс] // Википедия. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Инволюция_\(математика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Инволюция_(математика))).

³ К сожалению, столкнулась с подобным и редакция журнала «Пространство и Время». Из-за выявленного беспрецедентно низкого уровня оригинальности из уже готового макета были сняты две статьи: докторов экономических наук, профессоров Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского С.П. Кирильчук и Е.В. Наливайченко в соавторстве с магистрантом А.С. Абибуллаевым (недобросовестное заимствование составило 82,87%), а также позиционирующего себя в качестве историка и главного редактора латвийского журнала «Клио» г-на И.Н. Гусева (58,6% недобросовестного заимствования) (все документы, подтверждающие результаты проверки, находятся в редакции). Решением редакции информацию о подобных случаях и фамилии недобросовестных авторов мы и впредь будем сообщать нашим читателям.

Коль скоро главная цель науки – производство знания, преобразованием, обратным этому процессу, является максимально полное и, в пределе, некомпенсируемое разрушение не только отдельных видов знаний, но и среды, в которой таковые производятся: воспроизводство незнания и субъектов полей науки и образования, не являющихся носителями знания, но обладающих навыками производства его «превращенных форм», обеспечивает превращение полей науки и образования, их субъектов/агентов и объектов (концептов, методологий и методик) в банковский продукт – один из множества видов банковских продуктов, в которые постепенно превращаются субъекты/акторы, объекты и сами поля социального пространства. Такое превращение и обеспечивающее его тотальное распространение когнитивного модуса *нежелания знать* призваны обеспечивать в эпоху постмодерна принципиально новый уровень защищенности политических и финансовых элит, однако это же делает куда менее возможным отнюдь не социальные, а прежде всего научные революции – поскольку такое преобразование направлено на недопущение познания как подлинных мотивов и целей агентов полей власти/политики и экономики и сущности действий, взаимодействий и отношений, образующих данные поля (в области социально-гуманитарного знания – *упомянутое интервью с Е.Я. Сатановским*), так и *природы вещей* в собственном смысле данного словосочетания (в области естественных наук, поскольку знание таковой природы позволяет выявить исключительно коммерческую сущность целого ряда масштабных «научекоемких» проектов – «*Состояние озонового слоя и погодные аномалии в Северном полушарии весной и летом 2017 г.*» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина).

Отсюда одной из важнейших когнитивных мишеней такого «обратного преобразования» полей образования и науки являются когнитивные же представления о связях, отношениях и (взаимо)зависимостях (корреляционных, причинно-следственных; пространственных – *упомянутая статья О.А. Мирошниченко* – и временных – синхронизации, десинхронизация, ресинхронизация, трансинхронизация – *упомянутая статья В.А. Черешнева с соавт.*). Между тем именно производство знаний о таких процессах обеспечивает безопасное взаимодействие человека со средой обитания («*Что такое сейсмичность?*» доктора физико-математических наук И.Р. Стаховского; *упомянутая статья В.Л. Сывороткина*; «*Геоэкологическое районирование территории Архангельской области с использованием цифровых моделей рельефа и ГИС-технологий*» аспиранта А.Л. Минеева, доктора геолого-минералогических наук Ю.Г. Кутинова и кандидатов геолого-минералогических наук З.Б. Чистовой и Е.В. Поляковой; «*Обоснование возможности защиты биологических объектов от вариаций космической погоды*» доктора физико-математических наук Б.М. Владимирского, докторов биологических наук Н.А. Темурьянц и Е.Н. Чуян и кандидата биологических наук К.Н. Тумяни), возможности адекватно оценить риски заболеваний («*Самоизлечение от рака – миф или реальность?*» доктора медицинских наук Л.О. Севергиной и М.Р. Кондратюка) и «человеческий потенциал» минимизации этих рисков («*О возможности немедикаментозного и невербального оздоровления человека человеком*» доктора медицинских наук Н.П. Биленко и кандидата медицинских наук Н.Н. Щеголевой).

К числу возможных путей преодоления инволюционных процессов в полях науки и образования отнесу сохранение сообществ (кластеров), способных и заинтересованных в проведении таких исследований, а также в разработке междисциплинарных подходов («*Математика и будущее педагогики*»: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, МПГУ, 30 ноября – 1 декабря 2017 г.» магистра социально-культурной деятельности Н.Р. Сабаниной). Именно междисциплинарность в эпоху постмодерна способна обеспечить «увеличение размерности» пространств науки и образования¹ (даже в условиях, когда нормативными документами чиновников от науки и образования количество дисциплин при междисциплинарном подходе редуцировано до трех). Отмечу здесь, что, поскольку переход от модерна к постмодерну (равно как и от премодерна к модерну – и, в термина классиков истмата, от одной формации к другой) ведет не к уничтожению форм взаимодействий и отношений, характерных для предыдущего типа общества², а к их, как правило, весьма продолжительному сохранению в структуре нового общественного мироустройства, в качестве способов увеличения размерности социального пространства не утрачивают свое значение ни характерное для модерна накопление знаний о пространствах иных культур («*Профессор Серик Ажигали и его каменная летопись. Ажигали С.Е. Памятники Манкыстау и Устурта: Книга-альбом. – Алматы: Өнер, 2014. – 504 с. (На казахском, русском и английском языках)*» кандидата исторических наук И.А. Калашикова), ни изучение сохраняющегося на протяжении смены эпох духовного наследия человечества – религиозно-философских доктрин³ (*упомянутые статьи М.М. Аль-Джаноби, В.О. Лобовикова, С.В. Корнилова, С.А. Нижникова, Н.А. Сафиной*). Все эти возможности имеет уважаемый читатель журнала «Пространство и Время» – в том числе и сегодня, открывая его новый выпуск.

О.Н. Тынянова, главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. Без революций? Поля и пространства в эпоху «социальной инволюции» / О.Н. Тынянова // *Пространство и Время*. — 2017. — № 2-3-4(28-29-30). — С. 10—14. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st2_3_4-28_29_30.2017.01.

¹ Согласно теории катастроф, выход из катастрофического сценария возможен за счет увеличения размерности пространства событий хотя бы на единицу (см., напр.: Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990).

² См. также: Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). М.: Мир, ИПИ РАН, 2004; Он же. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИ РАН, 2007.

³ Замечу, что и собственно обращение к религиозно-философской и религиозной сферам как таковым может быть отнюдь не проявлением социального и когнитивного регресса, а обретением дополнительной размерности пространства событий, особенно в периоды кризисов и социальной инволюции – причем не только в эпоху премодерна (о чем см., напр.: Геворкян С.Г. Древняя Армения и эллинистический мир. Часть 2 // *Пространство и Время*. 2012. № 3(9). С. 143, сноска).